

С. А. Головин

ИМУЩЕСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Статья обращена к страницам истории советского общества и посвящена формированию системы имущественного неравенства в 20–30-е гг. XX в. Автор поставил перед собой задачу проанализировать характерные черты ее формирования в рассматриваемый период, проследить основные этапы развития, выделить своеобразие. Публикация представляет интерес для научных работников, преподавателей, учащихся вузов и для всех исследователей истории России советского периода.

**PROPERTY DIFFERENTIATION OF HOUSEHOLD INCOME
IN THE USSR IN THE 1920–1930s**

The article applies to the pages of the Soviet history and deals with forming of the property inequality system in the period of the 1920–1930s. The author aims to analyse the properties of its forming process in the period under consideration, to find out the main stages of its development and to distinguish its originality. The article may be of interest for scientists, teachers, students and all researchers of the Soviet history.

Дифференциация доходов населения один из важнейших социально-экономических показателей, характеризующий степень неравномерности распределения материальных и духовных благ между членами общества. Принцип распределения и доли, в которых общественный продукт распределяется между группами населения, определяют отношения имущественного неравенства.

Тенденции эгалитаризма в распределении заработной платы первоначально решительно отстаивал В. И. Ленин, поддерживая идею постепенного выравнивания зарплат разных категорий работников. Совет народных комиссаров 1 декабря 1917 г. по предложению Ленина принял постановление «Об окладах высшим служащим и чиновникам», в котором предельное жалование народным комиссарам устанавливалось в 500 руб. в месяц бездетным и прибавка в 100 руб. на каждого ребенка¹. Исключение в уравнительности оплаты труда заключалось в сохранении привилегированного положения высококвалифицированных профессионалов («буржуазных и военных специалистов»)². Особые условия для получения высокой зарплаты, выходящей за рамки установленной шкалы, были определены декретом от 27 июня 1918 г., санкционировавшем введение максимальной зарплаты для специалистов в размере 1200 руб. в месяц (для народных комиссаров 800 руб., а минимум зарплаты для служащих и низкооплачиваемого персонала — 350 рублей). Верхний предел жалования, положенного специалистам, стремительно рос в условиях стремительной потери советским рублем своей стоимостной ценности — с 3000 руб. в феврале 1919 г. до 60 000 в августе 1922 г.³

После революции распределение заработной платы стало быстро эволюционировать в сторону его полного уравнивания. Введение уравнительной системы оплаты труда было обусловлено, с одной стороны, идеологическими программными установками партии, декларирующими принцип равенства; с другой, — хозяйственной разрухой всех областей общественного производства, вынуждавшей государство оплачивать труд на уровне полуголодного минимума.

В эпоху «военного коммунизма», когда в большей части зарплата выдавалась натурой, роль денег в системе распределения была сведена к минимуму. Ведущую роль играли формы натурального распределения через систему карточек, проблема дифференциации зарплаты уже не имела существенного значения (в конце 1917 г. 6,2% зарплаты выдавалось в натуральной форме, в начале 1921 г. — 97,3%). Размер продовольственного пайка, выдаваемого на карточку, при переводе на рыночные цены того времени, составлял сумму в 4–5 раз и более превосходящую денежные выплаты. В 1921 г. на рынке черный хлеб стоил около 2 тыс. руб. за фунт; масло и сахар около 20 тыс. руб. за фунт, мясо — 6 тыс. руб.⁴

С переходом к нэпу размер заработной платы стал медленно повышаться, и в первом квартале 1922 г. средний месячный заработок равнялся 7,9 руб. Затем рост заработной платы пошел быстрым темпом: в 1922/23 финансовом году — 11,5 руб., в 1923/24 г. — 16,8 рубля, в 1924/25 г. — 20,7 рубля (в три раза выше, чем в эпоху «военного коммунизма»), в 1925/26 г. — 23,5 руб.; в 1926/27 — 26,3 руб. (превысила уровень 1913 г. — 24,3 руб.). Средняя заработная плата совет-

ских служащих в губернских городах в первом квартале 1923 г. равнялась 20,54 бюджетных руб., в январе 1924 г. — 28,36 руб.⁵ Приведенные выше цифры исчисляются в *бюджетных рублях* — в довоенных ценах бюджетного набора продуктов, т.е. приводятся в пересчете на рубли 1913 г. (бюджетный довоенный рубль иногда называют золотым).

По всей промышленности средняя заработная плата рабочего в *червонных рублях* (введенных в оборот в ходе денежной реформы 1922–1924 гг.) составляла в 1925 г. — 46,4 руб.; в 1926 г. — 52,5 руб.; в 1927 г. — 56,0 рублей. Средняя месячная заработная плата на железнодорожном транспорте: в 1924–1926 гг. — 44 руб. (в червонных); в 1925–1926 гг. — 72 руб.; в 1927 г. — 87,6 руб. (средний размер заработной платы рабочего в промышленности и на транспорте в 1928 г. — 70,24 руб.)⁶.

Одновременно с ростом заработной платы в промышленности и на транспорте, повышалась зарплата служащих всех учреждений и предприятий: в 1925 г. — 61,6 руб.; в 1926 г. — 81,5 руб.; в 1927 г. — 84,6 руб. Средняя зарплата в учреждениях Дальневосточного края в 1926 г. составляла 85 руб., в 1927 г. — 95,4 руб., в 1928 г. — 101,2 руб.; на 10–12% превышая показатели по СССР. Среднемесячная зарплата нетарифицированных служащих сельских местностей (местного бюджета) выросла с 42,7 руб. в 1926 г. до 55,0 руб. в 1927 г. По расчетам ВЦСПС, размер заработной платы по отношению к довоенной в первом квартале 1922 г. составлял 24%, в первом квартале 1925 г. — 52%, в январе 1924 г. — 65%, во второй половины 1925 г. — 73%; в 1926/27 г. ее размер достиг 105,3% (60,38 червонных руб.) довоенного уровня по всей крупной промышленности. Средняя месячная зарплата рабочего промышленности в переводе на бюджетные рубли в 1927/28 г. составляла 34,25 руб. (в 1,5 раза превысив довоенный уровень)⁷.

Общими направлениями в политике регулирования заработной платы в 1920-е гг. выступали: ее равномерное повышение в основных отраслях промышленности и на железнодорожном транспорте; подтягива-

ние заработной платы низкооплачиваемых и отстающих групп и возможное сглаживание разрыва в зарплате работников различных бюджетов (местный бюджет, госбюджет, хозрасчетные учреждения) и отраслей общественного производства.

Советское государство, с открыто декларируемыми коммунистическими принципами идеологии, попыталось создать модель «справедливой» заработной платы. Советская модель «справедливой» заработной платы в 1920-е гг. предусматривала: соблюдение относительного принципа уравнительности в зарплате; сдерживание ее роста; пропаганду ее адекватности уровню развития производительных сил. Справедливость заработной платы определяется психологическими факторами и количественно неизмерима — власть должна постоянно отслеживать настроения трудовых масс для сохранения основ социального порядка в обществе. Фактически советской власти на рубеже 1920–1930-х гг. удалось навязать населению представление о том, что текущая зарплата, какой бы низкой она ни была, является «справедливой» (методами воспитания «нового» человека с коммунистическим мировоззрением и изоляции инакомыслящих). Трудности в материальном обеспечении и медленный рост качества жизни населения власть объясняла необходимостью строительства социализма, проискаками внутренних и внешних врагов советской власти.

Политика сдерживания роста заработной платы являлась следствием огромных капитальных вложений в экономику страны. Каждый вариант перехода к индустриальной экономике сопровождается возрастанием доли накопления при распределении национального дохода — от 5–10% до 20–30%. В годы первой пятилетки доля национальных накоплений в СССР, составлявшая в середине 1920-х гг. не более 16% народного дохода, возросла в 1930 г. до 29% (по плану — 28,2%), в 1931 г. — до 40% (по плану — 32,1%), в 1932 г. — до 44% (по плану — 33,2%); в годы второй пятилетки она составляла 25–30%⁸.

Таблица 1

Размер зарплаты служащих (местный бюджет ДВК), руб.

Должность	1927–1928 гг.	1928–1929 гг.	1929–1930 гг.
<i>Районный аппарат</i>			
Председатель райисполкома	100, 112, 115, 120, 125, 145, 146, 150	110, 115, 125, 135, 160, 175	115, 125, 150, 176
Начальник раймилиции	80, 85, 100	90, 100	110, 115, 120
Старший милиционер	42, 45, 66	66	60
Милиционер	42, 46	60	55
Фельдшер	55	65	70
Агроном	120	150	150
Учитель 1-й ступени	52	57	62
Учитель 2-й ступени	80	90	100
<i>Городской и окружной аппарат</i>			
Старший милиционер	55, 56, 67	60	65
Милиционер	42, 45	50	65
Народный судья и следователь	123	130	140

Источник: [ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 40. Л. 68]

В 1921–1922 гг. внедрялась новая шкала оплаты труда, утвержденная на III съезде профсоюзов (апрель 1920 г.) и содержавшая 17 градаций (от ученика до специалиста высшего уровня), согласно «тарифной вилке» оклад специалиста мог превышать оклад неквалифицированного рабочего максимум в 3,5 раза. Средняя месячная зарплата инженерно-технического персонала составляла в 1926/27 г.: в горной промышленности – 200 руб., на железнодорожном транспорте – 190 руб., коммунальной сфере обслуживания – 136 руб., связи – 159 руб., органах землеустройства – 170 руб., у агрономов – 135 руб.⁹

Любые производственные отношения порождают и предполагают в обязательном порядке неизбежное имущественное неравенство (в виде дифференциации доходов и различного уровня потребления), обусловленное качественной неоднородностью и разным количеством труда, вкладываемого работниками в общественное производство. *Основное противоречие в политике регулирования доходов населения в 1920–1930-е гг. заключалось в противостоянии (противопоставлении) принципа эгалитаризма в распределении доходов («справедливой зарплаты») и необходимой закономерной дифференциацией в оплате труда, без прак-*

тической реализацией которой высокие темпы индустриализации, повышение производительности труда, формирование лояльных режиму слоев населения оставались иллюзорными проектами.

Помимо тарифной окладной системы, замененной в 1928–1929 гг. системой госнормирования заработной платы, еще с периода «военного коммунизма» существовала широкая система премиальных выплат, объединенных 1 октября 1923 г. в четкую систему «персональных окладов» и «премий за выполнение специальных заданий». Они предназначались для специалистов, занятых на предприятиях, полностью или частично принадлежавших государству, и для этих целей выделялся определенный процент из фонда заработной платы. Персональные оклады, превышавшие утвержденные государством расценки, теперь лишь фиксировались обычным трудовым соглашением и утверждались комиссией, созданной при Народном комиссариате труда. На VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. была принята отдельная шкала выплат для специалистов с сохранением сверхвысоких ставок. Размер зарплаты главного инженера 400–800 руб. (колебался в зависимости от величины и значимости предприятия) в 8 и более раз

превышал величину оплаты неквалифицированного рабочего (в среднем 50 руб.)¹⁰.

Политика сдерживания имущественной дифференциации населения через государственное нормирование зарплаты предусматривала установление нижнего (госминимум зарплаты) и верхнего (партмаксимум) пределов зарплаты. В 1920 г. было принято постановление ВЦИК, устанавливавшее единую фиксированную тарифную сетку зарплаты для всех коммунистов, включая партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных руководителей. Максимальный уровень их окладов не должен был превышать зарплату высококвалифицированного рабочего. Ограничение доходов коммунистов определенным потолком сохранялось в первые годы нэпа (в 1924 г. директор завода – коммунист получал 187,9 руб., а такой же директор – беспартийный – 309,5 руб.). В Красной Армии в 1924 г. командир корпуса получал 150 руб. в месяц (основная доплата осуществлялась в натуральной форме пайков)¹¹.

Работники партийного аппарата (начиная с ЦК) были разделены на семь категорий, зарплата которых соответствовала семи высшим разрядам по 17-разрядной профсоюзной шкале. В 1924 г. средняя ставка зарплаты партийного функционера вследствие установления партмаксимума составляла 175 руб. – при средней зарплате промышленного рабочего в 50 руб. и наличии персонального привилегированного пайка размер оплаты партийной номенклатуры отнюдь не был мизерным. Высокооплачиваемые коммунисты должны были в обязательном порядке отчислять определенную часть зарплаты в фонд взаимопомощи остро нуждающимся членам партии. Постановлением ЦК ВКП(б) от 7 мая 1928 г. партмаксимум был определен в размере 2700 руб. в год (225 руб. в месяц). Член партии был обязан сдавать в партийную кассу 20% «с первых 2700 руб. излишка», 30% – с суммы излишка от 2700 до 5400 руб.; 40% – с суммы излишка, превышающего 5400 руб.¹²

С началом форсированных преобразований всей системы общественного производства в конце 1920-х гг. руководство СССР окончательно отринulo принцип эгалитаризма в оплате труда, началось свертывание уравнительной системы оплаты труда – теперь она интерпретировалась государственной идеологией как мелкобуржуазный пережиток, уходивший корнями в крестьянскую общину. Во-первых, были отменены многочисленные ограничения на дифференциацию сдельной оплаты труда рабочих; во-вторых, под завесой глубокой секретности был ликвидирован «партмаксимум» (отменен секретным постановлением Политбюро от 8 февраля 1932 г.). В 1931 г. был отменен закон, запрещавший платить занятым на сдельной работе менее двух третей среднего уровня зарплаты; аннулирован закон, запрещавший рабочему, превышавшему нормы выработки получать сверх тарифа не более 100% обычной нормы зарплаты; упразднен закон, согласно которому специалисты, работавшие по совместительству (которое было тогда широко распространено), могли получать лишь в полтора раза больше установленного максимума зарплаты¹³.

Индустриальная реконструкция сопровождалась радикальным расслоением советского общества, в зависимости от окладов и степени статусных привилегий (выделялись привилегированные слои). Оплата труда теперь осуществлялась согласно социальному статусу, определялась не только в зависимости от объема и квалификации труда, но и подменялась произвольно устанавливаемыми советской бюрократией статусными привилегиями. Эти привилегии жестко ранжировались и в среде самой бюрократии, устанавливаясь в соответствии с формальным рангом аппаратчика. Официальная статистика прекратила с 1934 г. публиковать информацию о дифференциации оплаты труда различных слоев населения, ограничиваясь средними показателями – сокрытие данных о социально-имущественной дифференциации призвано было замаскировать степень фактического неравенства.

К концу 1930-х гг. имущественная дифференциация по мере относительных успехов ускоренной модернизации стремительно выросла. Зарплата директора крупного предприятия и секретаря обкома достигала 2000 руб. в месяц; зарплата номенклатурных работников среднего звена Далькрайкома: заведующего протокольной частью — 660 руб., секретарей отделов — 412,5 руб., статистиков ОРПО — 450 руб.; представителей творческой и спортивной элиты, стахановцев («знатные люди») — 800–1500 руб.; полковник РККА — 2000 руб.; лейтенант — 625 руб.; зарплата инженеров достигала до 1500 руб. в месяц при средней зарплате служащих-специалистов — 550 руб.; квалифицированных рабочих — 200–300 руб. (средняя — 240 руб., 25–30 руб. — размер рядовой пенсии); минимальная зарплата неквалифицированных рабочих — 115 руб. (средняя — 150 руб.)¹⁴. В результате соотношение размера средней зарплаты управляющих к средней зарплате рабочих выражалось пропорцией 5:1. Помимо официальной базовой зарплаты (оклада), существовали многочисленные доплаты в виде различного рода выплат.

В СССР к концу 1930-х гг. *децильный коэффициент* (соотношение заработков 10% самых высокооплачиваемых работников к доходу 10% наиболее низкооплачиваемых работников) выражался пропорцией 8:1 (в 1920-е гг. — 5:1)¹⁵. *Коэффициент дисперсии* доходов населения (*степени неравномерности* распределения общественного дохода между отдельными социальными слоями), исчисленный на основе дифференциации размеров зарплат, в 1920-е гг. выражался цифрой в 9,5 условных единиц; к концу 1930-х гг. показатель материальной стратификации советского общества возрос до 10,6 единиц.

Приусадебный участок в 1930-е гг. являлся одним из основных источников средств существования для крестьян-колхозников — общинные наделы и лошади отошли в собственность колхозов, денежные доходы были ограничены. Колхоз обеспечивал поступления круп и картофеля, приусадебный участок — мясных и молочных продуктов. При-

усадебные участки не являлись личной собственностью колхозников и по закону не могли продаваться или сдаваться в аренду (фактически такие сделки имели место). Однако дом и другие строения на участке были в личной собственности, с возможной продажей и арендой. Согласно исследованию бюджетов колхозных дворов в 1937 г. многие продукты колхозники потребляли в меньшем количестве, чем в 1923–1924 гг. (М. А. Вылцан). Приусадебный участок после разрешения в 1932 г. торговать излишками его продукции на колхозном рынке обеспечивал более половины всех денежных поступлений в семью колхозника (после продажи продукции с участка), менее 10% денежных доходов колхозника поступали из колхоза. Доля продукции приусадебного участка, реализуемой в свободной продаже, составляла 17–22% мяса и 6–7% молочных продуктов¹⁶.

Крестьяне-колхозники осуществляли платежи государству в денежной (налоги) и натуральной форме (обязательные поставки). Основные денежные платежи колхозников государству производились по ставкам сельскохозяйственного и культурного налога, самообложения (местные налоги). Обязательства по поставкам («натуральный налог») предусматривали сдачу определенного минимума продукции приусадебного участка государству по установленным самим же государством ценам. Помимо налогов и обязательств по поставкам, колхозники несли гужевую повинность в рамках системы трудовой повинности (установленной в 1929 г.), предусматривавшую участие колхозников в дорожных работах с применением рабочей силы колхозных лошадей и техники¹⁷.

В начале 1930-х гг. крестьяне-колхозники нередко стремились к уравнительному распределению доходов, исходя из размера семей, а не количества трудодней, заработанных каждым взрослым членом колхоза. Но власти решительно пресекали подобную практику — принцип распределения урожая соразмерно размеру семьи («по едокам») на XII пленуме ИККИ был зак-

леймен как кулацкий лозунг, культивирующий лодырничество и тунеядство¹⁸.

К середине 1930-х гг. проявилась тенденция к усилению дифференциации оплаты за различные виды труда в колхозах (совхозах). Труд колхозников оценивался в трудоднях – сдельной форме оплаты труда, размер которой зависел от рабочего времени, уровня квалификации основанного на дифференцировании работ по сложности (в течение дня колхозник мог выполнить работу, которая оценивалась от 0,5 до 4 трудодней). Полевые работы оценивались по низкой ставке, далее располагался труд животноводов, трактористов, бригадиров, председателей и администрации колхозов¹⁹.

Средний размер зачета трудодней в 1937 г. составлял 197 единиц, в пересчете на один колхозный двор – 438 трудодней (минимальное количество зачисленных трудодней – менее 51; максимальное – более 400 на одного работающего колхозника). В среднем рядовому колхознику зачислялось 19–20 рабочих дней в месяц (средний размер оплаты одного рабочего

дня – 1,3 трудодня); председателю колхоза – 30–31 день (1,75–2 трудодня). Трудодни оплачивались как в натуральном виде, так и в денежной форме. В 1932 г. рядовой колхозник получал за один трудодень 2,3 кг зерна, в 1937 г. – 4 кг; в 1932 г. за год колхозник в среднем получал 108 руб., в 1937 г. – 376 руб. (трудодень оплачивался от 50 коп. до 1 руб.). В оплате трудодней существовала региональная (районная) разница в зависимости от плодородности, урожайности, величины колхоза и его производительности²⁰.

Планы индустриального строительства предусматривали повышенную оплату труда в основных промышленных центрах (Москва, Ленинград, Донбасс и др.) и на крупных предприятиях²¹, в регионах интенсивного промышленного развития, в стратегически важных для государства отраслях индустрии. На Дальнем Востоке РСФСР показатели оплаты труда по различным профессионально-отраслевым категориям, в целях закрепления в регионе постоянной рабочей силы, в 1,5–2,5 раза превышали аналогичные параметры по СССР.

Таблица 2

Дифференциация оплаты труда в промышленности и строительстве на Дальнем Востоке РСФСР в конце 1930-х гг. (данные за сентябрь 1939 г., руб.)

Отрасль	Зарплата		
	Вольнонаемная рабочая сила ГУЛАГа (Приморский край)	Хабаровский край	Приморский край
А. Промышленность	1 197	772	999
• квалифицированные рабочие	807	718	790
• неквалифицированные рабочие	476	463	511
• ученики	333	185	116
• инженерно-технический персонал	1 743	1 347	1 709
• служащие	1 078	726	964
• не распределенные по категориям	728	785	630
Б. Строительство	1 346	491	1 160
• квалифицированные рабочие	779	287	745
• неквалифицированные рабочие	368	208	271
• инженерно-технический персонал	1 788	974	1 534
• служащие	1 292	681	1 027
• не распределенные по категориям	526	608	533
В. Прочие отрасли	–	542	991
Средняя зарплата	958	668	1 006

Источники: [РГАСПИ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 237. Л. 99, 122; Д. 241. Л. 4.]

Размеры денежных окладов в советском обществе, несмотря на возросшую их дифференциацию в 1930-е гг., при определении благосостояния его граждан неотделимы от системы статусных привилегий, определявшей приоритетный доступ к товарам и услугам. Наиболее привилегированные социальные слои выделяются по тем благам, которыми они пользовались — к ним относились не только партийная, советская и хозяйственная бюрократия, командный состав армии и органов ОГПУ, но и «знатные люди» (стахановцы, верхушка научной, технической и творческой интеллигенции). Стандартный набор благ, обеспечиваемых статусными привилегиями политической, военной, культурной, технической элиты включал дополнительные пайки, благоустроенное жилье и льготы по его оплате, специальные дома отдыха и дачи, дополнительные выплаты из фонда особых расходов и фонда пособий; первоочередной доступ к товарам по минимальным ценам, возможный выезд за границу в командировки, на гастроли, лечение, соревнования²². Через систему статусных привилегий и высоких персональных окладов элитных слоев обеспечивалась социальная опора советского политического режима. Материально-бытовое положение советской элиты к концу 1930-х гг. значительно отличалось от качества жизни остальной массы населения, которое в значительной мере обеспечивало индустриальный рывок.

Статусная стратификация, имевшая отчетливо выраженный классово-дифференцируемый признак, демонстративно проявлялась в структуре государственных наград и отличий; в организации общепита; в системе государственных и персональных пенсий; в иерархически дифференцированном доступе к потребительским товарам через нормирование по карточкам и «закрытое распределение», сложившемся в 1928–1935 гг.

Третьим параметром (помимо резко полярной системы окладов и структуры статусных престижных привилегий), в котором отчетливо проявилась растущая диф-

ференциация доходов населения СССР, является совокупная динамика повышения розничных цен и размеров зарплаты. Динамика зарплаты без комплексного анализа показателей динамики розничных цен — относительный показатель. (Зарплата и цены — составные взаимосвязанные и взаимообусловленные элементы денежного обращения. Научно нецелесообразно и экономически бесперспективно рассматривать их как самостоятельные научные проблемы или изолированные участки экономики).

В первой половине 1930-х гг. было пять уровней цен: розничные цены для города (карточная система); цены для села; коммерческие цены; с 1933 г. стали открываться образцовые универмаги с ценами выше коммерческих; цены Торгсина. Общий торговый индекс розничных цен в 1932 г. по сравнению с 1927–1928 гг. повысился в 2,5 раза (цены частного рынка возросли в 7,7 раза, цены в государственной и кооперативной торговле — в 1,7 раза). В целях сближения уровней двух видов цен государство неоднократно повышало розничные цены на продовольственные товары (пайковые), одновременно снижая коммерческие цены. К октябрю 1933 г. коммерческие цены на хлеб были в 20 раз выше пайковых, в январе 1934 г. — в 8 раз, в декабре 1934 г. — в 4 раза²³.

Во второй половине 1930-х гг., с одной стороны, цены еще более выросли в своих размерах, с другой, — произошло выравнивание уровня цен, предшествовавшее отмене карточной системы. Ликвидация карточной системы в конце 1934–1935 гг. была обусловлена, помимо относительного улучшения снабжения товарами населения, увеличением масштабов спекуляции и степени коррупции в сфере распределения товаров, отсутствием достаточной мотивации труда, низкими налоговыми поступлениями от продажи продукции по низким ценам. При отмене карточек — пайковые цены еще раз повышались, а коммерческие цены отменялись (цены на ржаной хлеб были повышены с 60 коп. за 1 кг до 80 коп.). Частично повышение цен было

компенсировано увеличением зарплаты, стипендий и пенсий. Единые цены на непродовольственные товары (хлопчатобумажные, льняные и шерстяные ткани, обувь, швейные и овчинно-шубные изделия) были установлены в отличие от продовольственных на уровне коммерческих цен. В третьей пятилетке цены были повышены незначительно (на отдельные виды товаров цены снижались). Разрыв цен в «открытой» и «закрытых» сетях распределения несколько сгладился, оставаясь в то же время значительным (в 2–3 раза)²⁴.

Причины увеличения розничных цен в 1928–1934 гг. заключались в резком несоответствии платежеспособного спроса товарным ресурсам и предложению их на рынке. Объем производства товаров широкого потребления (пищевой и легкой промышленности) снизился в 1933 г. по сравнению с 1929 г. в продукции животноводства на 52%; сахара-песка — на 45%, мяса — на 34%, растительного масла — на 37%; хлопчатобумажных тканей — на 35%. Рост цен во второй половине 1930-х гг. предопределен отменой карточной системы распределения товаров и стремительным ростом денежных выплат в связи с увеличением численности рабочих и служащих²⁵.

Общий итог анализа динамики розничных цен и зарплаты в 1928–1941 гг. — индекс розничных цен вырос в 6,3 раза, индекс заработной платы — в 6,4 раза (А. Н. Комин)²⁶. Размеры обоих индексов практически совпадали. Это означает, что общая покупательная способность населения в этот период осталась на прежнем уровне. С учетом выросшей материальной дифференциации и системы статусных привилегий качество жизни привилегиро-

ванных слоев советского общества значительно повысилось, соответственно, уровень жизни (набор потребительской корзины и т. п.) низших слоев населения понизился. Покупательная способность возрастала по мере восхождения по лестнице социальной иерархии.

Неуклонный рост неравенства вызывал динамичное закономерное психологическое его восприятие: в привилегированных слоях — с удовлетворением от чувства причастности к касте «избранных», возможности освободиться от ориентации на социальное равенство и принципов эгалитаризма; в непривилегированных — с негодованием от нарушения коммунистических принципов равенства и в силу естественной природы человека (привилегии рассматривались как нетрудовые доходы и форма взятки). С другой стороны, новый высший класс (слой) в 1930-е гг. находился в стадии формирования — представители новой элиты были выходцами из низших и средних слоев населения, им были близки ценности и устремления большей части населения.

Политика создания статусных привилегий и дифференцируемых окладов являлась составной частью практической реализации ускоренной модернизации всей системы общественного производства. (Воплощение «шести условий» И. В. Сталина по построению социалистического общества в СССР)²⁷. Руководство СССР, после непродолжительных уравнилельских экспериментов, установило значительную разницу в оплате труда различных слоев населения, соответствовавшую индустриальному типу обществу. Эти же принципы постепенно распространились и на различные формы натурального вознаграждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 35. — С. 105; Т. 39. — С. 360.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 44. — С. 198–199.

³ Мервин Мэтьюз. Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. — 1992. — № 2–3. — С. 48.

⁴ *Ольденбург С. С.* Экономическое положение и общественные классы Советской России. — София, 1921. — С. 14; *Ильин В.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества. 1917—1996 гг. — Сыктывкар, 1996. — С. 60.

⁵ *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР. — Т. II. — Нью-Йорк, 1952. — С. 98.

⁶ *Рашин А.* Заработная плата и производительность труда в восстановительный период хозяйства СССР // Экономическое обозрение. — М., 1928. — № 9. — С. 78.

⁷ *Югов А.* Народное хозяйство Советской России и его проблемы. Экономические проблемы. — Берлин, 1929. — С. 208—209.

⁸ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. — М.: Госплан, 1929. — Т. II. Ч. II. — С. 52—53, 66—67; *Розентул С.* Процессы накопления в СССР. Плановое хозяйство. — М., 1929. — С. 314—315, 318—319; История России / Рук. авт. кол-ва А. А. Данилов. — М., 1997. — С. 232.

⁹ ГАХК. Ф.537. Оп. 1. Д. 40. Л. 68; *Ильин В.* Указ. соч. — С. 60.

¹⁰ *Мервин Мэтьюз.* Указ. соч. — С. 45—61; *Ильин В.* Указ. соч. — С. 73.

¹¹ *Cliff T.* Stale Capitalism in Russia. — Pluto Press, 1974. — P. 70.

¹² Справочник партийного работника. — Вып. 7. Ч. 1. — М.; Л., 1930. — С. 371.

¹³ Труд в СССР. — М., 1936. — С. 96.

¹⁴ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 338. Л. 128—133; РГАСПИ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 237. Л. 99—122.

¹⁵ История Россия / М. М. Горинов, А. А. Горский, А. А. Данилов (рук. автор. колл.) и др. — М., 1997. — С. 254.

¹⁶ Советская юстиция. — 1935. — № 24. — С. 4; *Вылцан М. А.* Завершающий этап создания колхозного строя. 1937—1937 гг. — М., 1978. — С. 200—208; *Гущин Н. Я.* Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы. 1935—1941. — Новосибирск, 1975. — С. 175.

¹⁷ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 150—155.

¹⁸ XII пленум ИККИ. Стенографический отчет. — Т. 3. — М., 1933. — С. 138.

¹⁹ Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1990). — М., 1973. — С. 278; *Вылцан М. А.* Указ. соч. — С. 116.

²⁰ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне: деревня. — М., 2001. — С. 166—167.

²¹ *Рашин А.* Заработная плата и производительность труда в восстановительный период хозяйства СССР // Экономическое обозрение. — М., 1928. — № 9. — С. 45—46.

²² ГАХК. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 338. Л. 133; *Мервин Мэтьюз.* Указ. соч. — С. 60.

²³ *Комин А. Н.* Радикальная реформа цен: путь к антизатратной экономике. — М., 1989. — С. 92—93.

²⁴ *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 127, 285.

²⁵ *Комин А. Н.* Указ. соч. — С. 92.

²⁶ Там же. — С. 93.

²⁷ *Сталин И. В.* Соч. Т. 13. — С. 67—68.